

КОНЕЦ ДЕТСТВА

Растить девочку — все равно что поливать огород соседа.

Непальская пословица

МАГХИ

Ледяной холод. Он, скрипучий, лежал в этот день *Магхи* на коричневых рисовых полях Раптизоны, плодородной долины в Непале. Густой белый туман висел над равниной почти каждое утро зимой. Влага собралась на моих ресницах, маленькие капли попадали мне в глаза и стекали по носу. Я закуталась в платок поплотнее, но все равно продолжала дрожать.

Вокруг меня с трудом угадывались очертания силуэтов: женщины, закутанные в сари и платки, с большими узлами на головах, стадо буйволов, мужчины на велосипедах, коровы, овцы, козы, пара мотоциклов, зигзагами пробивающие себе дорогу. Звуки лишь приглушенно доносились до меня сквозь плотную пелену тумана: пение петухов и скрип водокачающих насосов смешивались с лязгом металлической посуды, лаем собак и громкими голосами.

Мы с моей сестрой Сардой вышли на рассвете, чтобы пойти в Манпур, в дом наших родителей. Потому что сегодня был день *Магхи*. Я уже несколько недель радо-

валась этому. *Магхи* — это самый большой праздник народности *тхару*, наш Новый год. В этот день мы совершаем ритуальные омовения в реке и очищаемся. Собирается вся семья: дедушки, бабушки, родители, братья, сестры, тети и дяди. Старшие благословляют младших, молодые чествуют старших. Все танцуют, едят, поют и устраивают на улице представления. Женщины надевают свои традиционные пестрые одежды *тхару* и тяжелые серебряные украшения. Рисовое вино течет рекой, люди в деревне ходят от дома к дому, навещают соседей и друзей.

Но больше всего я радовалась тому, что наконец увижу родной дом. Уже несколько месяцев я жила у одной из моих старших сестер. У наших родителей часто не хватало еды для всех нас, потому что мои отец и мать были *камайя* — крепостными. Они работали на полях и в доме помещика, которому принадлежали рисовые, картофельные и рапсовые поля в нашей местности. Иногда моя мать приносила домой немного риса, и тогда она делила его между нами, детьми, но чаще всего она возвращалась с пустыми руками и нам было нечего есть. Тогда мы ложились спать голодными.

Поэтому она отправила меня к моей старшей сестре, которая со своим мужем и четырьмя детьми жила в другой деревне, приблизительно в часе ходьбы отсюда. Муж моей сестры зарабатывал немного денег, и они могли прокормить меня вместе со своими детьми. В качестве оплаты я ухаживала за своими маленькими племянницами и племянниками, хотя мне самой было всего лишь шесть лет. Но пусть даже у сестры было достаточно риса, я, несмотря на это, все равно хотела вернуться домой, потому что очень скучала по маме и по Манпуру.

Через некоторое время я наконец увидела глиняную хижину моих родителей. Она была очень маленькой, казалось, что она спряталась между другими хижинами. Ее окружал забор из кольев. На соломенной крыше виднелись стебли тыквы. Толстая желтая тыква нависала прямо над входной дверью. Перед хижинкой на веревке висело белье.

Пахло дымом и соседскими свиньями, которые хрюкали в сарае рядом с нашим домом. В маленьком дворике у нашей хижины я увидела свою мать. Она как раз подметала веником из прутьев землю возле дома.

Я быстро побежала к ней. «*Даи, даи, даи*», — поприветствовала я ее. На языке *тхару* это означает «мама».

Остановившись перед ней, я опустила голову, и она положила свою руку мне на макушку и благословила меня. Так мы приветствуем родителей и старших уважаемых людей. Я была очень счастлива, что увидела ее, но, тем не менее, не могла позволить себе броситься к ней в объятия. Ведь у нас не принято обниматься или целоваться. Моя мать по случаю праздника *Магхи* была одета в традиционную одежду *тхару*: широкую пеструю бесшовную юбку из сплошного полотнища с широкой красной каймой, зелено-красную свободную кофту с короткими рукавами; на ней были многочисленные зеленые, желтые и красные жемчужные ожерелья и традиционные серебряные украшения на голове.

ДИТЯ ИЗ ПЛЕМЕНИ ТХАРУ

Мы, народность *тхару*, живем в основном в Тераи, на огромной зеленой равнине в юго-западной части Непала, в низине дельты реки Ганг, которая пересекает индийскую границу и протекает по нашей территории. У нас есть

свой язык, традиционные праздники, свои боги и культовые обряды, и у нас всех одна и та же фамилия — Чаудхари. Такая же фамилия и у меня.

Когда мои родители сами были еще детьми, эта равнина была областью, где свирепствовала малярия. Лишь только одна народность — *тхару* — на протяжении столетий выработала устойчивость к этой болезни и заселила эту плодородную землю. Поэтому большинство *тхару* до сих пор живет в Данге и в других четырех областях Тераи. Из поколения в поколение они возделывают эту землю. Там, где раньше лишь буйно росла слоновья трава и были джунгли, сейчас выращивают рис и овощи.

После того как в пятидесятые годы множество гектаров леса по указанию правительства было вырублено, уровень заболеваемости малярией снизился и на нашу землю стали претендовать многочисленные переселенцы с холмов. Тогда много людей из народности *тхару* стали *камайя* — крепостными, в том числе мои дедушка с бабушкой и мои родители. Переселенцы вытеснили *тхару* с их полей и стали эксплуатировать в качестве наемных батраков. У многих людей просто отняли их землю, часто даже с применением оружия или с помощью шантажа: «Отдай мне свою дочку, иначе я не дам тебе земли», — так угрожали лендлорды-помещики. Таким образом, множеству семей ничего не оставалось, кроме как отдавать своих дочерей в рабство, и количество *камалари* резко возросло.

Столь печальное положение дел сохраняется до сих пор, хотя в 2000 году крепостное право в Непале было официально отменено. Однако множество людей и сейчас не имеют земли. Вместо *камайя* появились *адхия* — крестьяне, которые возделывают землю для помещиков, а в качестве платы за свой труд получают половину урожая.

В деревнях люди все еще отличаются простотой, и они тесно привязаны к земле. Вода, джунгли, земля — это основа их жизни, те три вещи, которые на протяжении многих веков являются самыми важными для *тхару*. И еще семья. В семье все делится поровну. Это имеет свои преимущества и недостатки. Конечно, каждый человек в отдельности благодаря этому всегда имеет поддержку, потому что *тхару* всегда держатся вместе и решают все свои проблемы сообща. Однако, с другой стороны, никто из них не может самостоятельно добиться успеха в жизни, потому что семьи зачастую очень большие и каждый знает: если кто-то что-то заработал, всем из этого кое-что достанется. Если, например, зарежут курицу, то ее делят иногда на семнадцать, иногда на двадцать, а в больших семьях — даже на сорок тарелок. Тогда каждому в отдельности достаются лишь крохи.

Жизнь в Тераи все еще носит очень патриархальный характер, можно даже сказать, несколько отсталый. Это дает повод другим кастам в Непале упрекать нас в лени и наивности, однако это несправедливо.

Но вот что, к сожалению, является правдой, так это то, что в Данге более половины населения — а большинство из них женщины — не умеют ни читать, ни писать. До сих пор каждый третий ребенок не посещает школу.

Из-за своей наивности и честности, а также из-за своей необразованности *тхару* всегда были легкой добычей. Добычей или жертвами эксплуатации со стороны помещиков, жертвами насилия и несправедливости, как это было недавно во время гражданской войны с маоистами, которая с 1996 по 2006 год повергла Непал в хаос. Тысячи людей тогда были похищены, убиты или вынуждены сражаться за маоистов. Селения были опустошены,

женщины и девочки подвергались насилию, их принуждали работать. Женщины и дети, прежде всего девочки, всегда стояли в конце цепочки распределения жизненных благ.

ХОРОШАЯ ЦЕНА

Между тем туман рассеялся. Уже светило солнце, пригревало землю и согревало мою кожу. Вместе с солнцем на землю вернулись краски: ярко-желтым цветом светились рапсовые поля, видневшиеся за домами. Красными, оранжевыми, лиловыми и розовыми бликами выделялись сари женщин, которые возвращались из джунглей с большими узлами на головах. Они несли зеленый корм для домашних животных. Ярко-синим пятном на этом фоне был шарик, который я пару недель назад выиграла у одного из старших соседских мальчиков. Этот шарик был моим самым дорогим сокровищем.

Я играла с детьми во дворе перед хижиной моих родителей. Пару недель назад я отпраздновала свой шестой день рождения. Но выглядела я так, словно мне было только четыре: худая, в коротких штанах и старой тонкой длинной рубашонке.

В этот момент я увидела троих мужчин, которые шли по дороге к нашей хижине. Я еще никогда не видела людей в такой одежде. Они были в черных солнцезащитных очках и одеты в костюмы, а на одном из них — даже галстук. Материал, из которого сшиты костюмы, был таким блестящим, что мне показалось, будто я почти отражаюсь в нем. И в их солнцезащитных очках я тоже видела себя. Маленькая худенькая девочка в голубой рубашке и с серьезным лицом.